

Р2
СТМ-14 К

Навел
Майский

ВЫСОКИЕ
ТУМАНЫ

Стихи

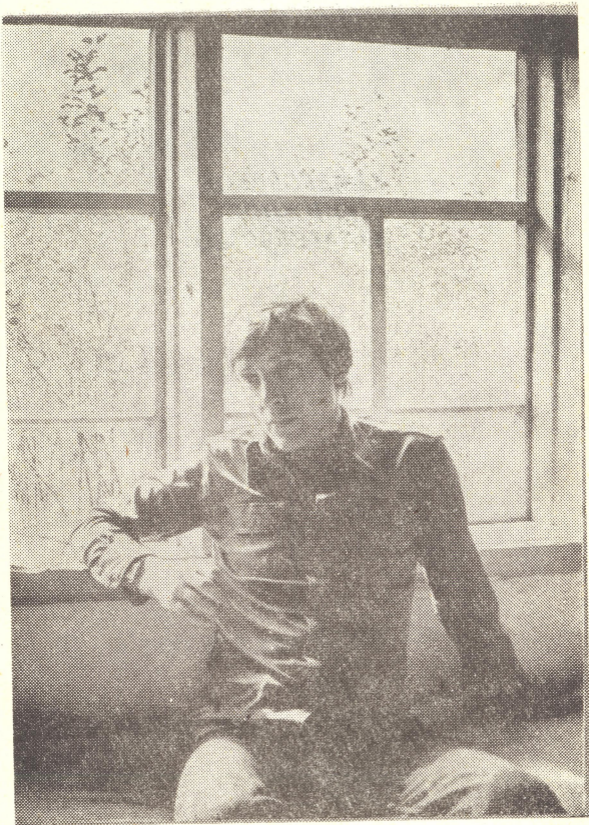
ГУК Кемеровская областная
библиотека для детей и юношества

135375

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ст. Р2 к
М-14

*Павел
Майский*
**ВЫСОКИЕ
ТУМАНЫ**
Стихи

Кемеровское
книжное издательство
1982

библ.

ББК 84.3Р7

— 493258 —

Р2

М12

Кемеровская областная детская
библиотека им. А.П. Гайдара
Принято в дар

от _____

Майский П. Н.

М12 Высокие туманы: Стихотворения.—Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982.— 104 с.

25 к.

Автор сборника работал на предприятиях черной металлургии страны. Прошел путь от горнового доменной печи до главного инженера проекта Западно-Сибирского металлургического завода. В 1974 году окончил Литературный институт имени М. Горького, где учился в творческом семинаре поэта лауреата Ленинской премии Е. А. Исаева.

У Павла Майского вышло три поэтических сборника: «Взмах крыла» (1967 г.), «Сарбалинская рапсодия» (1972 г., оба в Кемеровском книжном издательстве), «Солнечная деляна» (1980 г., «Советский писатель», Москва).

Новая книга стихотворений Павла Майского — дальнейшее осмысление автором сегодняшней жизни, поэтическое раздумье о судьбе родной сибирской природы.

М 70402—28 24—82—4702010200 ББК 84.3Р7
М145(03)—82 Р2

© Кемеровское книжное издательство, 1982

Памяти отца моего
Мертвцова
Николая Ефимовича,
политрука артдивизиона
43-й отдельной
стрелковой бригады

* * *

Сошли высокие туманы.
В тенистом царстве кедрочей
Уже таинственно шаманит
С весны оставшийся ручей.
На взгорье пенится калина,
Горят по просекам жаркí,
И солнцем залита долина
Шумливой, праздничной реки...
И день высок! И в дымке синей
К реке спускаются дома...
И хорошо видна Россия,
Отсюда... С этого холма.

* * *

Опять в краю моем сибирском
Гудят шмели, цветут поля
И дышит вольная земля
Таежной грудью богатырской!
Мой край, суровый и святой
Своею верностью России,
В безоблачной рассветной сини
Цветет улыбкой молодой...
Здесь не красна изба углами,
Здесь работенка — горяча...
Да не словами, а делами
Здесь чтут заветы Ильича!

* * *

Благословенна русская земля,
Лик деревень, задумчивый и строгий,
И над рекой притихшие поля,
И дом, стоящий около дороги!
Здесь каждый клен до боли мне знаком,
Здесь город мой, что всех столиц красивей!..
Ты — мое счастье, совесть, мой Закон,
Ты — память сердца моего, Россия!
И если, эту память оскверня,
Через порог шагнут твой супостаты,
То ты пошли на смертный бой меня
И я пойду, как мой отец когда-то...
Да будут вечны эти облака,
Взгляд деревень задумчивый и строгий,
И в тишине журчащая река,
И дом, стоящий около дороги.

СОН

Они все ближе, ближе, ближе, ближе...
Они вот-вот взойдут на высоту...
Я вижу их отсюда за версту,
В лицо, в упор через прицел их вижу!
На ротном, что, как я, сутуловат,
Расстегнутая кобура видна...
— Давай! — шуршит в наушниках комбат,
— Осколочными шпарь их, лейтенант! —
Команду, что зубрили по уставу,
Я прокричал... И распахнул глаза:
Над лесом солнце плавилось устало,
А за горой июльская гроза
Гремела орудийной канонадой,
И радуга стояла над рекой...
А по лощине гнал на водопой
Пастух небритый медленное стадо...
— Эй, соня! — звал с опушки старший брат,—
Гляди: я полведра маслят нащелкал...—
Я подошел: — Подумаешь, добра!
Отдай их тетипашиным девчонкам...
Ты знаешь, Юра, я сейчас во сне
Вот здесь, где ты сапог сейчас снимаешь,
Увидел все, как было на войне...

Как на войне, ты это понимаешь?!
Как будто роту вел вон тот пастух,
А я, перескочив Қалтанчик с ходу,
Упрятался за эту высоту,
Снаряд назначил и ударил взводом!
Ты понимаешь, все случилось тут
Точь-в-точь, как ты рассказывал когда-то...
И ротный был мне виден за версту...
А голос был отцовский у комбата...
Брат посерьезнел, сразу постарел...
Со снятым сапогом под мышкой замер
И на меня, как в детстве, посмотрел
Задумчивыми грустными глазами...
А вымолвил всего лишь: — Ну и ну...
Вам тоже, значит, снится про войну?!

* * *

Ему не приказали, не просили
Прикрыть отход... Он сам остался тут.
Остался мстить от имени России
И молча ждал, когда они придут.
Когда они взошли на гребень сопки
И охнула земля от вражьих ног,
Он их убил: троих, десятков, сотни —
Неважно сколько... Важно — сколько мог!
Но маленький окопчик от осколка
На этот раз не смог его спасти...
А в мертвого они стреляли долго,
Но так и не решились подойти
И даже сапоги с него не сняли —
Со страхом стороною обошли...
Он был один-единственный хозяин
Никем не завоеванной земли!

* * *

Где домны держат небо на копрах
Недвижно и сурово, как атланты,
Где кедрачи, как море, на ветрах
Несут девятый вал вершин атласных,
Где с гор таежных сходят, как стада,
В долины рек большие города
И миллионы жителей тайги
Печатают в асфальт свои шаги,
Где в бухтах на искусственных морях
Томятся корабли на якорях,
А сотни серебристых кораблей
Спешат в туман заоблачных полей,
Есть крохотный, затерянный лужок
В логу у безымянной тихой речки...
Здесь зайцы собираются в кружок
Вокруг стожка, когда наступит вечер.
А по утрам, как солнце разведет
По пихтачам холодные туманы,
Просохший лес вершинами гудет
И травы растекаются дурманом...
Вот здесь, в забытой временем глуши,
В нетронутом таежном этом мире,
Постигнуть можно таинство души
Ушедшей и явившейся Сибири!

СТАРЫЕ ФОКСТРОТЫ

Уезжая в гости к зятю,
В Таштагольский район,
Нам оставила хозяйка
Этот чудо-патефон...
Мы его заводим ручкой,
И гремит победно он,
Настоящий, прочный, русский
Премиальный патефон!
Джаз — скандалит,
Джаз — страдает,
Душу за душу берет!
Разволнованный ударник
Шпарит вдоль и поперек.
Вот прошел последней строчкой,
Развернулся и затих...
И, как ветер в лунной роще,
Скрипки спутали мотив.
За последним трубным вскриком
Где-то очень далеко
Величаво промурлыкал
Грустный рыцарь-геликон...
И — вздохнул протяжно, долго...
И теперь по всей избе
Слышно: шаркает иголка

По затертой борозде...
И от этих-то фокстротов
Вот уже в который раз
Потихоньку в сердце что-то
Обрывается у нас!

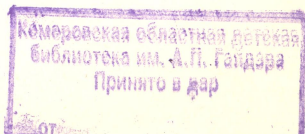
ПРИШЕСТВИЕ КО МНЕ ОТЦА,
НИКОЛАЯ ЕФИМОВИЧА,
ПОГИБШЕГО ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Бесхозный подгоревший старый дом.
Стол. Пара лавок из пиленых досок.
Помятый алюминиевый бидон
Под молоко, которого здесь вдосталь.
Отцовская двустволка (у цевья
Защелку заменить бы надо новой)...
Ну вот и все, чем обзавелся я
За жизнь свою для счастья отпускного...
И вот вчера, как травы от росы
Отяжелели, ночью, где-то в час так,
Остановились на стене часы
И кто-то тихо в сенцах постучался.
Я отпер двери, вышел в лунный свет
И вижу: под полуночной звездой
Стоит знакомый с детства человек,
Такой, как я, но только с бородой.
— Кого вам? — я спросил его, а он
Прошел на кухню, не ответив толком,
На лавку сел, стянул с гвоздя двустволку,
Переломил и, посмотрев на свет,
Задумчиво полою ложу вытер:
— Купи ты себе новую в Москве,
Того гляди поразорвет стволы-то...

Потом с бидона крышку приподнял,
Взглянул, о чем-то чуточку подумал,
И, посмотрев с грустинкой на меня,
Вздыхнул: — Больная печень на роду нам...
И всё... Потом он тихо в сени вышел
И от порога строго произнес:
— Ты мать-то на недельку бы привез,
Пускай немного воздухом подышит.
Потом ступеньки скрипнули крыльца
И жутковато стукнула калитка.
И тишина... И я тихонько всхлипнул,
Как в детстве на могиле у отца.

* * *

493258-
День отступал медвяным косогором
К пятнистому от теней сосняку...
Сорока громоздилась по забору,
Навстречу молодому ветерку
От речки поднимались туманы,
Еще едва заметные в логу,
А в согре, на закатном берегу,
Сова кричала... Сизыми дымками
Курились бани. Был субботний день,
Июньский, остывающий, неспешный
Погожий день таежных деревень...
Цвела картошка. Каждый житель здешний
Был делом занят. В улицах пустых
Слонялись куры. Золотило солнце
Акаций неподвижные кусты.
Шептались засыпающие сосны,
Дивясь багряно-огненной звезде
Над розовым венцом закатных перьев...
Таким он был — последний мирный день
Перед войной. В июне. В сорок первом...

* * *

По пустырю шумливой новостройки,
Под тихий звон начищенных медалей
Шел фронтовик, подтянутый и строгий,
На раненую ногу припадая...
Да пропади ж ты пропадом, война,
Тот вечный бой за хутор у дороги,
Та страшная фугасная волна,
Осколками ошпарившая ноги!
Ведь он бы с внуком мог в футбол играть,
На праздниках — пройтись чечеткой дробно,
А при таком раненье — загорать
И то на общем пляже неудобно...
Когда же он, от внука в стороне,
Ботинок непослушный обувает,
Уж он-то помнит — пуля на войне
Любого, без разбора, убивает,
А тем, кто под свою вернется крышу,
Не сладко жить у памяти в плену...
Шел фронтовик... А во дворах мальчишки
Играли в ту проклятую войну!

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ПОБЕДЫ В СМИРНОВКЕ

День Победы! День Победы...
В честь победы за три дня
Произведена побелка.
И окончена стряпня.
Половик лежит постиран,
И, скосив глаза на стол,
Ходит Муська, точно тигра,
Нервно дергает хвостом!..
Застонали в сенцах доски,
Чутко вздрогнула стена,
Входят гости, входят гости
При медалях, орденах.
За столом расселись чинно,
Где кому велит душа,
По хозяйскому почину
Задымили не спеша.
И покуда пересуды
И на кухне тишина,
Строго вымерял посуду
Дядя Костя-старшина.
И разлил, поднявшись с места,
Всем, здоровым и больным.

Одинаково по двести
Как участникам войны.
Дамам тоже понемножку,
По «наркомовской», по сто...
Задрожал на тонких ножках
Заграничный модный стол!
Наступил весьма опасный
Заключительный маневр:
Дядя Петя над шампанским —
Самый опытный минер...
Он фольгу разрезал ловко,
Осторожно снял кольцо...
И отсюда, из Смирновки,
Над хребтами огурцов,
Над озерами из шпротов,
Над горой сибирских блюд
Прогремел на всю Европу
Майский праздничный салют!

«БАТАРЕЯ» В ГИЗЕЛЬ-ДЕРЕ

Здесь не белеет мрамор обелиска,
Лианы здесь, как хмель, обвили грабы,
И, точно снегом, пахнет морем близким,
И в ручейке перебегают крабы.
Здесь два ветхозаветных муравья
Обследуют останки автомата...
А ночью — осыпается земля
С развалин боевого каземата
И призрак часового в тишине
Обходит бруствер по траве росистой...
И командир на жестком топчане
Бессонно связи ждет с Новороссийском,

* * *

Е. А. Исаеву

Я-то думал: за давностью лет и утрат
Деревенская жизнь позабылась,
А как только сошел с электрички вчера,
Сердце радостью давней забилося!
Все припомнилось здесь, у родного села,
Словно вновь я малец босоногий,
Так однажды, увидев церквей купола,
На Руси вспоминают о боге...
День стихает. Струится туман на поля.
Свет закатный таинственно долог...
Мы выходим однажды на круги своя,
Вот к тому деревенскому дому.

ПРОКУДИН ЛОГ

Живу в тайге. На Марьинской заимке.
Встаю чуть свет, топлю спросонок печь,
С ведром иду к колодцу по зазимку,
Успевшему уже на травы лечь.
Потом варю картошку и к полудню,
На дверь приладив ломаный замок,
Лежневкой, обходя по тропкам лужи,
На рябчиков иду в Прокудин лог.
В конце лежневки прямо по болотцу
Перебираюсь на крутой разлом —
И вот он, лог Прокудин, — как в колодце
Темно внизу и мхом все заросло.
Спускаюсь кручей, за кусты руками
Цепляюсь, выбирая, где ступить.
Выглядывают угольные камни
Из-под земли, посохшей, как в степи.
Трава кругом чудная: то осока,
То хвощ торчит, а то сплошной дудняк
И папоротник, да такой высокий —
Тропическому, древнему родня!
Прокудин лог... Отец мой здесь когда-то
Охотился. Теперь и я пришел...

А вот густой кедрач, где старший брат мой
Берданку иностранную нашел.
А вот — пихтач, в котором наша лайка
Гоняла рысь с рысятами... А вот
Блестящая от лютиков лужайка,
Где марьин корень каждый год цветет.
На ней охотник как-то не проснулся.
Заснул — и все... Я помню, как его
В поселке хоронили. Я вернулся
К могилке после, там уж — никого
И только мать-старушка в черном платье
Цветы все поправляла. А потом
Перекрестилась и, беззвучно плача,
Лицом уткнулась в глину под крестом...
Прокудин лог... Вон как черны здесь ели,
И как здесь молчаливы пихтачи!
А по ручью, в болотистом ущелье,
Лунь, как всегда, без умолку кричит.
И по зазимку — след рысиный свежий
Чем дальше в лог уходит, тем свежей...
А сверху вроде слышен треск медвежий,
А может, это чудится уже?
С опаской продвигаюсь я по логу...
Ну вот и рябчик наконец свистит!
Что ж, в самый раз языческому богу
На этом месте жертву принести!

* * *

Не все быльем с годами поросло..
Порою, точно Русь за образами,
Забывтое таежное село
Отчетливо встает перед глазами,
Доносятся негромкие слова
Из-за реки, притихнувшей в тумане,
И шелестит пожухлая ботва,
И дрозд скворчит в полыневом дурмане,
И видится: снопы в полях лежат,
Жгутами перехваченные туго,
И бабочки-капустницы кружат,
Как белый снег, над васильковым лугом,..
И за гору уходят облака,
Уходят, как и мы, неповторимо,
И времени прохладная рука
Щеки моей касается незримо..
И станет мне покойно и легко —
Видать, не зря страдалось и мечталось,
Коль вздорное быльем позаросло,
А дорогое — на сердце осталось!

ВОЛШЕБНАЯ ПОЛЯНА

Меня сюда впервые мама
Еще мальчишкой привела...
Завечерело. Из тумана
Луна над соснами взошла
И в глубь долины заглянула.
Зажглись в поселке огоньки,
И стая уток протянула
Над низким берегом реки...
Я поднялся... И, оглядевшись,
Побрел к селу тропой лесной...
А мне вослед смотрело детство,
Я это чувствовал спиной,

ЛЕШИИ

По рассказу объездчика

В один из летних вечеров погожих
Я шел с рыбалки берегом пустым.
Гляжу: мужик какой-то корчит рожи
И кажет за пригорок на кусты.
Я в те кусты направился и вижу:
Садок, что потерял уж год назад,
Лежит себе, к тропиночке поближе.
Ну я его, само собой, в рюкзак.
А мужичка того уже и нету,
Стоял сейчас вот здесь и — след простыл.
Куда девался? Речка да кусты,
До роши, почитай, что километр...
Полгода пробежало с этих пор.
И вот под вечер, где-то в полшестого,
На рождество за веничком пихтовым
Пошел в тайгу я, прихватив топор.
Ложком иду по Малышевской балке,
Уже набрал вязаночку, и вдруг —
Гляжу — на мой же след замкнулся круг,
На том примерно месте, где с рыбалки
Шел осенью, когда садок в кустах
Мужик чудной искать меня заставил...

Куда идти? Сплошная темнота
И рыхлый снег по пояс над кустами...
Я запахнул шубенку на груди,
Сготовился вязанку взять на плечи
И вдруг заметил: что-то впереди
Чернеется и движется навстречу.
Я испугался: как-никак тайга!
Медведь-шатун ведь это, не иначе!
Из-под ремня топор тянуть я начал...
А он остановился в трех шагах
И мужиком тогдашним объявился,
И, как тогда, рукой за пихтачок
Мне показал... Буранчик тут завился,
И в темноте растаял мужичок...
Ну, мне такое дело только в радость,
Готовился к медведю как-никак...
Я к пихтачу направился не сразу,
Перекурил, очухался слегка,
Вязанку примостил к спине потуже
И тронулся, куда казал мужик...
Прошел с версту и сразу обнаружил
Дорогу, близ которой зря кружил...
Чудно, однако, то, что за два раза
Я так и не запомнил мужика.
Такой вертлявый... Вроде косоглазый...
Да разве ж кто запомнит лешака!

Лес какой-то сегодня нерадостный,
Стонет старая ель на ветру,
И мороза четырнадцать градусов,
И скворцы не кричат поутру.
Возле берега озеро вымерзло,
А зайдешь по чарыму в тайгу,
Почитай, вся заимка как вымерла,
Только заячий след на снегу...
А вчера ручейки деловитые
Осыпали сырые снега
И, гирляндами хмеля увитая,
Ликовала под солнцем тайга!
Во дворе, на оттаявших вишнях,
Пар курился с набухшей коры
И, откуда невесть появившись,
Над полынью толклись комары,
И кричали скворцы по заимке...
А от озера первый туман
С полыни уходил по низинке
К почерневшим от снега домам...
Это было вчера... А сегодня
Стонет ель на холодном ветру,
Задыхается снег прошлогодний
И скворцы не кричат поутру.

Вот кончится унылый снегопад,
Сквозь тучи солнце ласково проглянет,
И дружная зеленая толпа
Объявится вокруг лесной поляны...
В оживших травах поползут жуки,
Заковыляет по тропинке ежик,
И сквозь истлевший за зиму валежник
Поднимутся в лощинке кандыки.
Холодными утрами, в тишине,
Захоркают на просеке бекасы,
И угли звезд, дрожащих в вышине,
В рассветном пепле медленно угаснут.
И явится тот долгожданный миг!
И в памяти останутся навечно:
Цветущий луг, весна, кедровки вскрик,
Пронизанная солнцем бесконечность
Густого неба, талая вода
В лощинке, опаленной кандыками,
И около ручья огромный камень,
Из тьмы веков явившийся сюда,
На этот луг, что так наполнен цветом,
Так вознесен над суетностью лет!..
Наверное, нигде на свете нет
Лесных полян прекраснее, чем эта!

Опять посветлели деревья.
Опять почернели снега.
Опять молодеет деревня.
Опять оживает тайга.
Опять на пригорке калинник
Подснежником запестрел.
Опять в небе клин журавлиный.
Опять я на год постарел...

* * *

Таежная речка,
Прозрачно журча,
Резвится беспечно
В тени кедрача.
Весной расчудесной
С зари до зари
Поют свои песни
Над ней глухари.
А летом душистые
Травы цветут
И грузди на мшистых
Полянах растут...
Там, около речки,
Избушка стоит.
Там в речку с крылечка
Старушка глядит.
Дедусю лесничего
Из лесу ждет
И песню девичью
Тихонько поет:
— Затуманилася речка,
Облетел с калины цвет.

Ждет-пождет мое сердечко,
А любимого все нет.
Ой ты, реченька, ты, речка,
Без начала, без конца,
Утоли мое сердечко,
Разыщи мне молодца.

* * *

Стосковался я по капельке земли,
Где тайга как море синее вдали,
Где звучит в тиши районных городов
Птичья музыка с электропроводов,
Где на реченьках серебряных, глухих
Не рыбачится, не варится ухи,
И у неба где такая глубина,
Что луна при ясном солнышке видна...
Стосковался я по капельке земли,
Где в капусте меня маленьким нашли.

* * *

Я шел долиною лесной,
Дышали травы летним зноем,
И солнце белкой слюдяной
По елкам прыгало за мною...
Я шел... Кричали сойки вслед,
Угрюмый лось сходил с дороги.
Я шел. Мне было двадцать лет.
Меня языческие боги
Оберегали на земле
В непроходимых шорских чашах...
Я шел... Мне было двадцать лет.
Я был неповторимо счастлив!

* * *

Я помню все до мелочей:
Густые елочки в низине,
Дощатый мост, под ним ручей,
Мать у ручья
С бельем в корзине.
Цыплята с квочкой у плетня,
Скворешник старенький над стайкой
И я... И около меня
Клубком свернулась наша лайка...
А дальше, на холме крутом,
Столетний кедр, высокий, важный...
Теперь здесь дом многоэтажный,
Обычный шлакоблочный дом.

* * *

Тайга... На словах мы отчаянно любим ее...
На деле, увы, мы все время ее — покоряем...
А смерть постучит — мы в тайгу и женьшень
ковыряем,
Дерем облепиху и долбим киркой мумие!

* * *

В Калиновке как-то на днях
Пошел я чуть свет на охоту,
Гляжу, а по инею кто-то
Уже пропахал до меня...
Но вот и пихтач из тумана,
Как берег речной, проглянул.
Манок достаю из кармана,
С плеча переломку тяну,
За пихточку крайнюю прячусь,
Напрягся, аж сердце стучит!..
Сейчас затитикает рябчик!..
А рябчик чего-то молчит.
В манок я свищу. Все без толку.
И вдруг — на пихтовом стволе
Прибита малюточка елка
И рябчик под нею в петле!
А дальше второй, третий, пятый...
Весь выводок! Чья же рука
Сумела так подло запрятать
Стальную удавку силка
И ловко приладить приманку —
Калины мясистую гроздь?

Кто этот в тайгу спозаранку
С петлей заявившийся гость?..
Я встретил его на вокзале,
Почувствовал сразу, спиной:
Нахальными, злыми глазами
Следил из угла он за мной.
С ним два переростка-сынишки..
Все трое, при данном отце,—
Святое семейство из книжки
«Спортивный туризм в СССР».
Сидел он, взирал он невинно,
Рюкзак притуливши к стене..
А несколько перьев рябчиных
Прилипли, однако, к спине!
Да там, где блестела эмалью
Туристская гордость — значки,
Торчали в нагрудном кармане
Стальные удавки-силки!

* * *

Сознанием бесконечность не измерить.
Бессмертье не постичь в недолгий век.
А человек во что-то должен верить —
Без веры он уже не человек!
Наверно, оттого-то для народа
В наш век, с овеществляемой мечтой,
Религией становится — Природа.
Она отец и сын и дух святой!

КОЛБИНУШКА

Деревня вся видна как на ладони,
Дворы полынью с хреном заросли,
А самый крайний, почерневший, домик
Торчит наполовину из земли.
В нем был когда-то клуб лесоучастка,
И, помнится, еще не так давно
Через тайгу сюда довольно часто
Мальчишками мы бегали в кино,
Стучал движок, светились двери клуба,
И, сгрудившись к беленому холсту,
Могуче гоготали лесорубы,
Медведя поднимая за версту.
Кузнечиком трещала узкопланка,
Дышала ночь в раскрытое окно,
В логу журчала речка Сарбалёнка,
Которая уж высохла давно,
Поскольку лес в округе повалили;
И лесорубы бросили дома...
— Их дачники скупили задарма,—
Доходчиво сегодня объяснил мне
Лесник Егор, который для порядку
В который раз осматривал посадку,—
Аж зло меня берет,— лесник ворчал,

Сшибая ветки сохлые с сосенок,—
Тут целый год пижон один торчал,
Все привозил на «Москвиче» девчонок.
И вроде бы мужик, а целый день
Слоняется без мысли и без толку...
А в Новый год срубил в деревне елку,
А для людей оставил только пень...
Сейчас она — не нужная деревня,
А завтра станет нужная, тогда
С кого спросить за это разоренье?
Одна для нас от дачников беда!..
Он зашагал неспешно вдоль опушки,
Топор в ремне оправив за спиной,
А я спускался тропкой в Колбинушку...
Сгущался вечер. И передо мной
Луна вставала. В пересохшем русле
Ручей едва заметный заблистал...
И стало мне невыносимо грустно —
Уж хоть бы лес скорее вырастал!

УРОК

Пообмелела Кóндома надолго,
Пока не восстановятся леса...
Что Кóндома? Пообмелела Волга!
Недавно из вагона видел сам.
А ведь всего-то двадцать лет назад
На катерах по Кóндоме ходили,
Сплавляли лес, на плесах — неводили
И рыбы всем хватало за глаза...
За те же двадцать лет в наш новый дом
Явились деревянные кровати
И гарнитур ореховый... Притом
На чистом паралоне — не на вате!
И вот пока мы на кроватях млели,
Разделав всю квартиру под орех,
На Кóндоме — все плесы обмелели...
Да что у нас? И с Волгой вышел грех!

* * *

Живем... Ошибки повторяем.
Меняем принципы, основы.
Друзей испытанных теряем.
Врагов приобретаем новых.
Закрепляемся вещами.
Во вред, но за здоровье пьем,
И ту природу укрощаем,
Что породила нас,
Живем,

* * *

Здесь, в городе, память о детстве остра,
Все видится зимнего леса молчанье,
Все слышится речки таежной журчанье,
И тянет дымком лугового костра...
А помнится, мы переехали в город —
Там празднично было. Забыл я тогда
Наш дом деревенский, сосну у забора
И двор, где за баней цвела лебеда.
Деревней тогда помыкали не в меру,
Все в город тянулись, чтоб жить помодней.
Теперь в городах даже мы, инженеры,
Душой потянулись, как к матери, к ней...
И вот она, матушка наша деревня —
Вон, с краю, наш дом с голиком на крыльце...
Да только березы вокруг поредели
И вместо таежной дороги — шоссе.
А речка, что летом беспечно плескалась
У скал вековых, окруженных тайгой,
Та речка, что в памяти прежней осталась,
Совсем обмелела и стала другой.
И там, где по шумной хрустальной стремнине
Когда-то таймени лобастые шли,

Хозяйственный дядя на самой середине
Старательно моет свои «Жигули».
Чуть выше по логу под новый участок
Корчует кусты садовод-бодрячок,
Уверенный с виду, видать, из начальства.
А там, где беспечно звенел родничок,
Три дачника бурят вручную колонку...
А в рощице, где распевал соловей,
Без умолку тьякает чья-то болонка,
Поди, благородных французских кровей!

* * *

— Народ в тайге у нас чудной... Однако
На выгоду не падкий сызмальства.
К примеру — понасеяли здесь мака,
А для чего? Считай, для баловства.
Вон, в Кишиневе, виноград с балконов
Снимают по два центнера в сезон...
А тут — земли шесть соток, по закону,
И маком заниматься не резон,
Ан нет! Они его и понасеют!
Потом висит в мешочке, в кладовой...
Пожалуй, сибиряк из всей Расеи
Один сейчас такой неделовой...
Да что там мак? Один мужик недавно
Из Бухары привез сюда осла!
Отдельно от коров его пасла
Старуха мать... Куда как презабавно.
Чудит народ... Но в остальном — толковый!
И лес зазря не тронет топором,—
Докладывал степенно участковый,
Переступивши строганый порог
Избы своей, просторной, в восемь окон,
С портретами семейства по стене...
— А дачникам шишкарство выйдет боком!

В субботу пацаны сказали мне,
Что дачники везли отсюда шишки...
Вот навязались на мою беду —
Поди, по десять тысяч на сберкнижке,
А тройки на путевку не найдут...
Добро бы аккуратно шишковали,
А то сшибают ветки топором...
Да сколько бы мы их ни штрафовали,
Рублем не переделаешь нутро,
Тут надо при народе бы, к примеру,
Поганые дела их показать
Да мордой ткнуть, чтоб чувствовали меру,
А после уж рублями наказать... —
Он замолчал. Потом, уже за чаем,
Подвел итог: — Одна у нас беда —
Что мы конца тайги не замечаем,
А ведь его давно уже видать...
Отсюда вот видать-то, где мы с вами
Ведем про браконьерство разговор...
А без тайги Сибирь — одно название...
Что Крым без моря, что Кавказ без гор...
Я шел деревней. Ночь сменила вечер,
Глядел высокий месяц на дворы...
И лишь на дачных вырубках, над речкой,
Стучали неумолчно топоры!

* * *

Тайга, тайга... Страдалица моя!
Куда как мудро мы тебя калечим:
Морями затопляем, дустом лечим...
А ты молчишь, обиду затая.
Ты снова расцветаешь знойным летом,
А по логам пеньки торчат толпой,
И коршунята плачутся над лесом
Из-за несправедливости такой...
А вороны на осыпях надменно
Следят из-под тяжелых жабьих век,
Как трясогозки вертятся над мелью
Когда-то полноводных шорских рек,
Где берега березами белели,
Где шел таймень по плесовой глуши...
А вдруг и мы вот так же обмелели,
Самих себя научно осушив?

МОЯ ДОЛИНА

Рюрику Пестовскому

Вот здесь была моя долина,
Мой водопад на ручейке,
Моя смородина, малина,
Мои грибы в березняке,
Моя тропинка вдоль болота,
Мои щеглы и соловьи...
А как откроется охота,
Здесь были рябчики — мои...
Здесь, где знаком был кустик каждый,
Где каждый миг мной прожит всласть,
Я счастлив был... Но вот однажды
Беда великая стряслась:
Большой по сим местам начальник
Среди долины у ручья
Срубил обычный дом вначале
(Как будто здесь земля — ничья).
Потом обнес его забором
По сторонам на треть версты
И, чтоб в деревню ездить бором,
Пробил бульдозером кусты.
Отсыпал гравием дорогу
(Как будто гравий здесь — ничей).

Направил воду к огороду,
Перепрудив в логу ручей,
Мосток поставил для купаний —
Четыре сваи, две плиты...
И — все. И кончились мечты,
Пришла пора моих скитаний...
Я шел вчера с пустым ружьем
Тропинкой новой вдоль забора:
Он что-то строил за ручьем,
«Москвич» фырчал под косогором,
Где с визгом дочка и жена
Бульдога гнали вдоль опушки...
И, как заправская княжна,
Балдела теща в раскладушке!

Угомонилась вешняя река,
Ушла к горе... Апрельский дождик робкий
Смывает ил с густого тальника,
Где притаились божие коровки.
За редколесьем лепятся дома
По склону некорчеванного лога,
А по низине в утренний туман
Лыжней уходит узкая дорога...
Сторонушка таежная моя!
Вот этими березками худыми,
Вот этою рекой в рассветном дыме
Давно неизлечимо болен я...
И что мне делать, как сюда придут
Шахтеры со строителями вместе?..
Геологи железную руду
Уже нашли. Как раз на этом месте.

МОИ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИИ

Одну нехитрую науку
Отныне я навеки понял —
Кто на березу поднял руку,
Тот руку на Россию поднял!
Невыносимо мне, когда
В эпоху зрелости ученой
Деревья сохнут обреченно
В самоубийцах-городах,
Когда в прибрежном тальнике
Травинка прорасти не смеет
И нефти радужные змеи
Кишат в безжизненной реке...
О, как порой зловещи тени
От наших дел! А ведь всего-то
Мы — только пятая животных
И только сотая растений!

ЗАКАТНОЕ

Сквозь день, тополями шумящий,
Торопится ночь на порог...
Гляжу я с тоскою щемящей
На город, укутанный в смог.
Огромным, расплавленным диском,
Срезая вершины домов,
Усталое солнце садится
В гигантские кущи дымов,
И трубы, как сальные свечи,
Чадят в преисподне зари,
И жирная, черная речка
Лениво ползет в пустыри...
И в мареве улиц вечерних,
В наполненной гулом тиши
Визжат у водителей нервы —
Сдают тормоза у машин...
А здесь, где разносятся гулко
Шаги от угла до угла,
Ютится в пустых переулках
Тупая вечерняя мгла.

РЕЙС 210
НОВОКУЗНЕЦК — МОСКВА

Под лайнером река лениво вьется..
Гляжу сквозь неуютное окно:
Тайги-то вовсе мало остается,
Зато дорог внизу — полным полно!
Аляпистые дачные постройки
Теснятся по лесистым берегам,
Жучками «Жигули» ползут по тропкам,
Костры дымят по сумрачным логам,
А по широким плесам неустанно
Моторки длиннохвостые снуют..
И только кое-где еще, местами,
Таежный сохраняется уют —
Там кедрачи торжественно и строго
На склонах некорчеванных стоят..
Печальная картина... Право ж, я
Поеду впредь железною дорогой!

* * *

Церквушки по Москве-то обновляются,
Да беспокойство все же у меня:
А вдруг мастеровые затеряются
Во суете сегодняшнего дня?
Ведь дьявол-искуситель потребиловка
Нам душу гложет почитай с утра,
И где за совесть надо, не за страх,
Там лепим зачастую абы было как...
А мастерство, оно ж идет от совести,
От радости души, от вдохновения...
Тут не хватает одного умения,
Тут надо жизнь отдать для дела полностью!

МУЗЕЙНОЕ

Ищу дорогу в прошлое. Как сны,
Холсты эти фламандские. В долинах
Флиртующие пары.
Со спины
Узнался Рембрандт.
На морских заливах
Отбеленные солнцем паруса.
На берегу — торговцев пестрый лагерь
И в гетрах полосатых, как оса,
Дворянчик пышногрудый с жалом шпаги...
Ищу дорогу в прошлое. С икон
Многострадальный спас глядит на джинсы
Экскурсоводши, вертким голоском
Толкующей о новгородской жизни,
Указку уперев в алтарь резной
С табличкой, чтоб не трогали руками...
Ищу дорогу в прошлое. За мной
Следят глазки дежурных телекамер.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

В. Милькову

То было ясным летним днем
И сразу прямо от вокзала,
Лес был прекрасен... Только в нем
Грибов совсем не оказалось.
— Привык в тайге жевать с куста,—
Весь день подтрунивал приятель,
— У нас другая красота,
Почище ваших белых пятен...
Вон, погляди — березняки,
Их точно время не касалось!
А вон — церквушка у реки,
Гляди, как здорово вписалась...—
Так, пробродив с ним целый день,
Мы наконец пришли к поляне,
Где столь удачно вписан пень —
Ей-богу столик в ресторане!
Ну, мы по первой, по второй,
Потом — ответы на вопросы...
По бутерброду с икрой
И, как всегда, за папиросы...
Толкутся наши голоса
На чем, теперь уже не помню...

А лес — молчит!.. И тут я сам
Все до конца отлично понял:
Он мертвый был, тот чудный лес!
Живым он только лишь казался..
Вот отчего церковный крест
В него так здорово вписался!

КАЛИНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Частенько я живу в Москве,
То лето встречу в ней, то зиму...
Но на Калининский проспект
Хожу не часто — в магазины...
Не смог его я оценить
Ни по стеклу, ни по бетону
И каждый раз, чего таить,
Все ближе жмусь к Кремлю святому!

ЛИТИНСТИТУТСКОЕ

Как это мило — первый снег в Москве...
Решетки Александровского сада блестят,
У Мавзолея — караул в ушанках,
Толпа у входа в ГУМ цветет нейлоном,
И голуби нахохлились под крышей
Особняка, где жил когда-то Герцен
И где сегодня дюжина поэтов
Терзает одного, на семинаре...
Как это мило — первый снег в Москве.

ДАЧНОЕ

Капли сходят дождевые
С яблок глянцевых в садах,
Как прищепки бельевые,
Ласточки на проводах,
Почернела ежевика
На обочинах дорог...
В домик наш, плющом увитый,
Юркнул робкий ветерок,
Два засохших лепесточка
Под геранью шевельнул...
И уснула моя дочка.
И котенок с ней уснул.

РАЗГОВОР
С НИКОЛАЕМ ЧУБАТЮКОМ

— Ты видишь бухту, за которой пляж,
Где ты вчера своих знакомых встретил?
Так вот... Туда пришли на кораблях
За Золотым руном однажды греки...
А вон, гляди, торчит огромный дом,
Похожий на корабль, а сверху — плоский.
Оттуда, с крыши, что на доме том,
Стихи читал Владимир Маяковский.
А вон, гляди, чинара. Там однажды...
— Постой! Про это слышал я не раз.
Ты лучше покажи, чего не каждый
Смог разглядеть, приехав на Кавказ!
Он замолчал... Но встрепенулся вскоре,
Лукавым глазом по морю скользя:
— А вот, гляди, вот это — наше море.
Его увидеть с берега — нельзя!

ИСЦЕЛЕНИЕ

Я побывал у модного врача...
— Плохи дела,— сказала знаменитость,—
Немедля образ жизни измените,
Работать прекратите по ночам,
Курить бросайте. Мало или много —
Эффект один. Придется не курить.
Ну, а по части всякого спиртного
Не стоит вообще и говорить...
Еще — смените климат. Нужен — влажный
(причерноморский, надо полагать),
И наконец, для вас особо важно —
Конфликтов, даже малых, избегать...
Я вышел от врача. Уселся в сквере.
Обдумал все, что он наговорил...
— Наверное, взаправду дело скверно! —
вздыхнул я... и, вздохнувши, закурил.
Потом поймал такси и, хлопнув дверцей,
Помчался по делам во весь опор...
И странно: почему-то до сих пор
Меня уже не беспокоит сердце...
Хотя — болит... Но тут иное дело,
На то оно и сердце, чтоб болело!

* * *

От большого здоровья бесчувственны люди
бывают.
Их, бесчувственных, надобно хворью лечить
иногда.
Тот, кто в здравье блаженном о бедах чужих
забывает,
Не прозреет, пока самого не коснется беда!

* * *

Кто счастлив на земле?
Быть может, тот,
Чья воля — для других закон и право,
Кто, посмотрев налево и направо,
Решит, кого послать на эшафот?
А может, счастлив тот,
Кто никогда
В чужой судьбе не принимал участия?
Кого лишь солнце, воздух и вода
Наполнили, как плод, дарами счастья?..
А может, тот, кому в уста пророк
Вложил стиха святое совершенство,
Испытывает высшее блаженство
На пламени своих высоких строк?

* * *

Неужто, чтобы сеять и ковать
И чтобы постоянно вдохновляться,
Мы научились так критиковать,
Что некому бывает исправляться?
А ведь пора, давно уже пора
Всем вместе, и кто выше и кто ниже,
Не выносить свой мусор со двора,
А во дворе не мусорить самим же!

* * *

На перекрестке, возле булочной,
Где мастерских ищи-свищи,
Который год в стеклянной будочке
Ворует Сашка-часовщик.
Он зря не пьет, он пьет по праздникам,
Машину новую купил,
Поскольку жил все время правильно:
Другие пили, он — копил.
Не за какие-то чудачества,
Теперь не в моде чудаки,
Поверх квитанции, за качество,
Совали «в лапу» добряки...
Так и живет в тепле, под крышей,
Так и ворует до сих пор...
И хоть ворует он открыто,
А получается — не вор!
Поскольку даже участковый,
Забрав часы свои «Восход»,
Ему пожаловал целковый
За добросовестный подход!

МНЕНИЕ ПЕНСИОНЕРА О СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

— Скажу по чести, без оглядки,
К чему, мой друг, кривить душой:
Не все еще у нас в порядке,
И спрос за это с нас большой...
Взять эти джинсы из рогожи,
Пижоны вылезут из кожи,
Пока в отеле с интуриста
Их не сдерут рублей за триста.
А довод выставят один,
Не покраснев притом нимало:
— У них на Западе — навалом,
У нас попробуй-ка найди!..—
Да что пижоны, мне знаком
Другой породы обыватель:
При доме — «Волга» под замком,
На даче — шкуры у кроватей,
Примерен ангельски в быту,
Начитан, в меру образован
И на ответственном посту
Дела справляет образцово...
А чуть нутра его коснись,
Опять затахнет ту же песню:

— Там, за границей, интересней
И обеспеченнее жизнь...—
Мой друг, к чему кривить душой,
Не все еще у нас в порядке,
И заражая нас паршой,
Растет сорняк на нашей грядке.
Хоть чахлый, но от плоти плоть
Растет сорняк... И мне сдается
Не раз еще его полоть
До урожая нам придется!

ИВАН ЕВСЕИЧ

Никак, Иван Евсеич, был и ты
На побегушках Ванькою когда-то?!
А ведь, гляди — достигнул высоты,
Нам до тебя теперь уже куда там!
Вон как сидишь, мороз меня пробрал,
Над головой — картины в модных рамках...
Ни дать, ни взять — заправский генерал
По пресловутой табели о рангах!
А шутишь как? Ну со смеху помрешь!
К примеру, всех поэтов, всех артистов,
Художников (а с ними хоккеистов)
Бездельниками попросту зовешь.
Кому нужны, мол, ихние умы
И для чего нам чемпионы мира?
Бездельники!.. Подумаешь, кумиры,
Пусть вкалывают попросту, как мы...
Да, для тебя сам Лев Толстой и то
Чудной старик не более, не менее.
Ты сам «таких Карениных штук сто
Понаписал бы», дай тебе имя...
Вот так ты, правдой маткою разя,
Великих всех под корень рубишь с маху!
За исключением тех, кого нельзя
По табели о рангах и от страху...

* * *

Сибиряков своих люблю всем сердцем!
Не тех, что подвизались в министерствах,
Не тех, что впрок деньгою запаслись
И к пенсии у моря прописались,
Не тех, кто предприимчиво женились
И к теще за Урал переселились...
Я тех сибиряков люблю всем сердцем,
Кто возле домен вкалывает честно,
Кто на сорокаградусном морозе
С разрезов уголь на БелАЗах возит,
Выращивает хлебушек отличный
В колхозишках у черта на куличках.
Кто свой насущный хлеб вкушает тихо
В поселках грустных городского типа...
И кто ни на какое место в мире
Не променяет родненькой Сибири!

* * *

Долгими февральскими ночами,
Изнывая от служебных мук,
Мечется бессонно мой начальник:
Ждет-пождет, когда в Москву возьмут...
Что ли, зря переводилась дочка
В подмосковный университет,
Что ли, зря к беседам
Он возил грибочки,
Тешил коньяками замов хмурых,
Квелых секретарш в театр таскал?
Что ли, зря в Туве медвежью шкуру
Самому Канаеву сыскал?..
Долгими февральскими ночами,
Точно дед в деревне на печи,
Вертится бессонно мой начальник...
А Москва чего-то все молчит...
Он того, начальник мой, не знает,
Что в Москве вопрос о нем заглох,
И давно уж выбросил Канаев
Шкуру ту медвежью из-за блох.

Детишек нам иметь побольше надо,
Без них мы поклоняемся вещам,
И наши разъединственные чада
Происхождением будут из мещан.
Страдать нам день и ночь душою надо
За всех мальчишек наших и девчонок...
Не будем мы тогда по автострадам
На «Жигулях» прогуливать болонки,
За золотишком в очередь стоять,
Хрусталь перетирать два раза на день,
Да в импортных дубленках щеголять...
Детишек нам иметь побольше надо.

* * *

Душа у нас болит. И тут с научной меркой
Как ни мостись, а не поможешь ей...
Когда бы не душа, мы были бы бессмертны
В естественной бездушности своей.
Существовали бы в семействах, родах, видах,
Не мучали бы нас надежды и любовь,
Не истязали б гнев, сомненья и обиды,
Адреналином отравляя кровь...
И медики порой бывают не у дела:
У нас душа болит, они — врачуют тело.

* * *

Я давным-давно усвоил это:
Семь чудес не стоят ни гроша
Перед самым главным чудом света,
Чудом под названием — душа!

БЕССМЕРТЬЕ

И я когда-нибудь умру,
И дочь меня схоронит...
И клен, пригнувшись на ветру,
Лист на меня уронит...
Из праха к солнышку цветы
Восстанут надо мною,
И нежно девушка, как ты,
Их соберет весною,
И зачарованно на них
Взглянув, прильнет устами...
И навсегда тот чудный миг
Моим бессмертьем станет!

* * *

Спасибо, одиночество, за правду,
Бесхитростно поведенную мне...
Я повторюсь потом, как эти травы,
Как этот пестрый камешек на дне,
Как утреннего ветра дуновенье,
Что щек моих коснулось в этот миг...
Что прожил я? Всего одно мгновенье.
Что я постиг? Желанье жить постиг.
Я знаю, как свеча, растает тело,
Я знаю — ситцем выцветут глаза.
И как бы жить потом ни захотел я,
Дороги нет отжившему назад...
Но сколь бы это ни было печально,
Я верю, просыпаясь поутру,
Что родился я вовсе не случайно
И не случайно все-таки умру...
От малыша до бабушки в оконце
Все верят в это... Все до одного...
Иначе для кого вот это солнце,
И этот мир иначе для кого?

* * *

По лугам бродит ветер озерный,
По-весеннему ночь холодна...
Осыпая лучистые зерна,
Над тайгой колосится луна.
На полянке, подлеском прикрытой,
Догорает рыбацкий костер,
И седые совиные крылья
Над долиной туман распростер.
Тишина... Только там, за болотом,
Выпь бурчит в камышах, как всегда,
Да опять над Прокудиным логом
Ровно в полночь упала звезда.

ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР
В ОКРЕСТНОСТЯХ ТЕМИРТАУ

Уж ночь затекала в лощинки
И солнце катилось с небес,
Когда по замшелой тропинке
Вошел я в сверкающий лес!
Могучие, стройные ели
Горели янтарным огнем,
И рябчики нежно свистели,
Прощаясь с малиновым днем.
И, голосу вечности внемля,
Как горная речка весной,
Тревожно шумели деревья,
Вершины сомкнув надо мной...
Величием жизни и судеб
Наполнен был лес в этот миг
И сжался, и замер в испуге
Мой крохотный собственный мир.

* * *

Иду вечернею дорогой.
Сошли закатные костры,
Луна внимательно и строго
Следит за звездами с горы,
В крутых логах туманы вьются,
Страшит безмолвие тайги...
И всюду гулко раздаются
Мои беспечные шаги!

* * *

Наш дом большой, под шифером, с верандой,
Теснил тайгу. И на версту вокруг
Расхаживал петух наш дерзким грандом
В сопровожденье рябеньких подруг.
А наша Дамка, северная лайка,
На зависть шорцам летом и зимой
Ловила зайцев на лесных лужайках
И справно приносила их домой...
Мать уезжала рано по утрам,
Моталась целый день по лесосекам,
И, подоив корову, нам соседка
Под вечер приносила полведра
Парного молока. Его с малиной
Мы пили и укладывались спать,
Едва туман из ближнего леса
Осядет над болотистой долиной,
Которая из нашего окна
Была до самых вырубок видна.
А иногда, подмяв под грудь подушки,
У абажура сбившись в тесный круг,
Читали вслух большую книгу «Пушкин»,
С печатью на полях «Санктъ-Петербургъ»...
И сердце наливалось сладкой грустью,
Захватывало дух... И пахло Русью
От каждого старинного листка...
Точь-в-точь как от парного молока!

ТАЕЖНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ОКТЯБРЬ

Ель склоняется над кручей,
Лес в тумане затонул...
И тяжелой черной тучей
Ветер небо затянул.
Кружат листья вереницей,
А в кустах, у ручейка,
Тихим посвистом синица
Снег зовет издалека.

НОЯБРЬ

Побелели луга.
Почернели леса.
Затаилась тайга,
Смолкли птиц голоса...
В нашем доме сейчас
Так тепло и светло!..
И синицы стучат
На веранде в стекло.

ДЕКАБРЬ

Не на шутку разгуделись
Телеграфные столбы,
Избы шубами оделись,
Дым у каждой из трубы...
Узкий месяц светит робко,
Спит безмолвная тайга...
Только слышно, как по тропкам
Зайцы бегают в логах.

ЯНВАРЬ

Метет метель. По всей деревне,
Куда ни глянь, — белым-бело...
Уже окрестные деревья
До веток снегом замело.
И не найти нигде дороги,
И свет не гасят по утрам,
И всюду прыгают сороки
По обезлюдевшим дворам.

ФЕВРАЛЬ

Знобят последние морозы,
И все сильнее по утрам
Горит сиреневая роздымь
В огне рассветного костра...

А на деревне вечерами
Гармонь откуда-то слышна.
И над безмолвными горами
Сияет медная луна.

МАРТ

Стекают зябкие туманы
По струнам мартовских берез,
Под воспаленными домами
Круги печальные от слез...
А ветер бродит отрешенно,
По окнам тросточкой стуча...
И ждет тайга настороженно
Удара первого луча!

АПРЕЛЬ

В перелесках снег растаял,
По логам журчат ручьи,
По дороге бродят стаей
Черномазые грачи...
Тянет с юга теплым ветром,
И который день подряд
По утрам над речкой вербы
Светлым пламенем горят!

МАЙ

Поросла медуницей и кашкой
Прошлогодняя тропка в лесу...
Две веселые пестрые пташки
По соломинке в клюве несут.
А на ближней горе, за опушкой,
В фиолетовой дымке берез,
Так надрывно кукует кукушка,
Что становится грустно до слез.

ИЮНЬ

Только шумная речка вошла в берега
И просохли заливы дорожных обочин,
Бородатые ливни прошли по лугам
И цветы проросли за три лунные ночи...
А сегодня, чуть солнце коснулось ветвей,
И открылись просторы долин просветлевших,
Вдруг рассыпался трелью в тайге соловей,
С берегов африканских вчера прилетевший.

ИЮЛЬ

Красота какая на покосе!
Рушится таежная трава,
От цветов, от солнца и от сосен
Радостно кружится голова...

Набежала тучка в небе синем,
Смогло все... И толком не понять:
Или тишина звенит так сильно,
Или то кузнечики звенят.

АВГУСТ

Тихо захожу я по тропинке в лог...
Вылетает с шумом рябчик из-под ног,
Кобчик над рябиной стрекозой парит,
Кислица рубинами по ручью горит.
Рыжие волнушки сбились в табунок,
И скулит с опушки заяц, как щенок...
Солнышко садится. И на все лады
Тенькают синицы и трещат дрозды.

СЕНТЯБРЬ

Я лесом шел. Осенним светлым лесом.
Стучали всюду дятлы: тук, тук, тук...
Как будто заколачивали лето
В огромный позолоченный сундук...
Малинника отточенные стрелы
Раскачивались тихо на ветру,
И солнце не горело, только грело,
Едва-едва поспевшее к утру.

* * *

На смену летнему веселью
Приходит светлая пора,
Когда уют лесов осенних
Склоняют к праздности с утра,
Когда вечерние туманы
Являют призраки надежд,
И забываются обманы,
И увлекает культ одежд,
Обряды пиршеств ресторанных,
Реклам неоновых костры,
Когда желания пространны,
И ощущения — остры,
Когда с волнением встречаешь
В рассветной дымке города...
Когда почти не замечаешь,
Что жизнь уходит навсегда.

* * *

На дворе и холодно и пусто —
Только снегири на городьбе...
А у нас в протопленной избе
Пахнет свежерубленой капустой,
Весело потрескивает печка,
Блещут окна в солнечных лучах...
И в белой горнице беспечно
Старенькие ходики стучат.

По галечной отмели плеса
Картошку на бричке везут —
Хрустят монотонно колеса,
И бабы молчат на возу...
В снегу прошлогоднем увязнув,
Рябина шагнула к окну,
И ржавые бусинки ягод
Засохшие веточки гнут.
На скошенной росной поляне
С корзинкой волнушек в руке
Стоит моя мать в сарафане
И красном, в горошек, платке...
Опять стало детство мне сниться,
А вот и в окно, как тогда,
Стучит на рассвете синица.
Наверно, случится беда!

Детство умчалось, как вешние воды,
Грустно сегодня о нем вспоминать...
Батя погиб мой в военные годы,
Слабенькой стала совсем моя мать.
Братья седеют, и я уже начал.
На сердце камнем давно уж лежит
Грустная дума о бренности нашей —
Впору поверить в загробную жизнь.
Просто поверить, что батя мой где-то
В эту минуту наверняка
Мечется так же, как я, по объектам,
По недостроенным им рудникам.
Просто поверить, что матери наши
Будут девчонками новыми жить...
Не для могил же мы сеем и пашем —
Время поверить в бессмертье души!
Не для того ж мы страдаем и любим,
Чтоб обратиться в космический миф...
Время поверить, что смертные люди
Так же бессмертны, как весь этот мир!

Мир солнцем наполнен...
В тайге не найти уголка,—
До самой зачахлой травинки
В пихтовом подлеске,
До ржавых, студеных,
Стерильных глубин родника,—
Где б не было солнца
В его августовейшем блеске!
Янтарные дали
Промыты веселым дождем,
Таежные чащи
Наполнены чудом соцветий...
И я, что на этой
Суровой земле был рожден,
Давно уж заметил,
Как мир ее радостно светел!
Как ласковы ветры
В приволье заречных лугов,
Как нежен рассвет,
Омывающий рощи росой,
Как сладостен отдых
В тени ароматных стогов,

Как веселы громы,
Идущие с дальней грозой!
Мир солнцем наполнен...
Оно в кедрачах и в колосьях,
В озерах таежных,
Где хмуρο темнеет вода,
И только в деревне
На дне ледяного колодца
Укрылась от солнца
Большая ночная звезда!

* * *

Сибирское лесное лето.
Резвятся белки в кедрачах.
Ручьи, наполненные светом,
В логах некошенных журчат.
Ползет усталое светило
Пустыней выжженных небес,
И туча гриву распустила,
Из-за горы вползая в лес.
Вот ветерок провел рукою
По ниве сизого овса,
И яркой радугой-дугою
Зажгла жар-птица небеса!
И хлынул дождь, веселый, частый,
Промокли сенца у избы!
А тетипашины девчата
Идти решили по грибы,
Шагнули весело под дождик —
В тайге намокнешь все равно...
И с ними в лес помчался тоже
С веселым лаем наш щенок!

* * *

Лето знойное. Даль бронзовеет.
Августовские тени легки,
И прохладой обманчиво веет
С берегов обмелевшей реки.
Сохнут травы в осиновой роще,
Бор полуденной дремой объят.
И ромашки метрового роста
На проселке кустами стоят.
И вразвалку спускаются тропкой
Поселковые гуси к реке...
И взбирается божья коровка
По моей загорелой руке.

* * *

Темнеет... По крутому логу
Сгустились тени сосняка.
И остывает понемногу
Тяжелый дождевой закат.
Колышет травы робкий ветер,
Туман уводит горы в сон...
И пригорюнившийся вечер
Глядит с тоской за горизонт.

* * *

Этим летом в Малышевской балке
Небывало яркая луна:
Ночью возвращаешься с рыбалки —
Каждая травиночка видна.
А с утра — туманы до полудня,
Солнышка на небе не найти
И роса такая, что по лугу
В сапогах болотных не пройти...
Но когда закатным нежным светом
Озарятся дальние леса,
От реки потянет свежим ветром
И ворвутся птичьи голоса
В этот уголок озерный, тихий,
Где уже который год подряд
В топкой согре прячет журавлиха
Двух пушистых рыжих журавлят,
Где в заросшей камышом протоке,
Что впадает в старую курью,
Как луна проглянет на востоке,
Караси тяжелые клюют!

СЫН

Ранним утром, теплым утром
Шум поднялся на селе:
От кого-то иль к кому-то
Шел мужик навеселе.
Шел в нейлоновой рубахе,
Улыбался в полный рот,
Звонко тявкали собаки
Как всегда из-под ворот...
Вслед ему рядили бабы,
Журавель сцепив с ведра:
— Кабы вечер, праздник кабы,
А Петро, гляди,— с утра!..
Но одна из них смекнула,
В дом прошла шажком босым,
Мужа сонного толкнула:
— У Петра родился сын!

* * *

На травах таежных, росистых
Туманы дымят поутру,
Дрожат восковые осинки
На зябком осеннем ветру.
В поблекшем октябрьском небе
Сквозит облаков седина,
И в инее белом, как в снеге,
Лосиная тропка видна.
Неяркое позднее солнце
Клонится к закату с утра,
Толчется над дальнею сопкой
Крикливых скворцов мошкара.
По берегу речки, в осоке,
Камыш поржавелый висит.
На зорьке в заросшей протоке
Уже не клюют караси.
Упругими стайками утки
Весь день по низинкам снуют,
И гуси четвертые сутки
Летят торопливо на юг.
Во мраке полуночной стужи
Невидимый дождь моросит
И по лесу тихо, как души,
Листы отлетают с осин.

* * *

По тайге шумит листопад,
Точно ходит кто-то чашобами,
И колотится невпопад
Сердце, осенью освещенное...
В благоденствии края нашего
Нет отраднее этих мест,
Где столетняя ель-монашенка
Вознесла над долиной крест,
Где над речкой, в избушке старенькой,
На высокой приступке крыльца,
У окна с почерневшими ставнями
Ждет с войны моя мать отца.

СОДЕРЖАНИЕ

«Сошли высокие туманы...»	6
«Опять в краю моем сибирском...»	7
«Благословенна русская земля...»	8
Сон	9
«Ему не приказали, не просили...»	11
«Где домны держат небо на копрах...»	12
Старые фокстроты	13
Пришествие ко мне отца, Николая Ефимовича, погибшего во вторую мировую войну	15
«День отступал медвяным косогором...»	17
«По пустырю шумливой новостройки...»	18
Празднование Дня Победы в Смирновке	19
«Батарей» в Гизель-Дере	21
«Я-то думал: за давностью лет и утрат...»	22
Прокудин лог	23
«Не все быльем с годами поросло...»	25
Волшебная поляна	26
Леший	27
«Лес какой-то сегодня нерадостный...»	29
«Вот кончится унылый снегопад...»	30
«Опять посветлели деревья...»	31
«Таежная речка...»	32
«Стосковался я по капельке земли...»	34
«Я шел долиною лесной...»	35

«Я помню все до мелочей...»	36
«Тайга... На словах мы отчаянно любим ее...»	37
«В Калиновке как-то на днях...»	38
«Сознанием бесконечность не измерить...» .	40
Колбинúшка	41
Урок	43
«Живем... Ошибки повторяем...»	44
«Здесь, в городе, память о детстве остра...»	45
«— Народ в тайге у нас чудной... Однако...»	47
«Тайга, тайга.. Страдалица моя!..»	49
Моя долина	50
«Угомонилась вешняя река...»	52
Мои основы экологии	53
Закатное	54
Рейс 210 Новокузнецк—Москва	55
«Церквушки по Москве-то обновляются...»	56
Музейное	57
Мертвый лес	58
Калининский проспект	60
Литинститутское	61
Дачное	62
Разговор с Николаем Чубатюком	63
Исцеление	64
«От большого здоровья бесчувственны люди бывают...»	65
«Кто счастлив на земле?...»	66
«Неужто, чтобы сеять и копать...»	67
«На перекрестке, возле булочной...»	68
Мнение пенсионера о современной жизни .	69
Иван Евсеич	71
«Сибиряков своих люблю всем сердцем...» .	72
«Долгими февральскими ночами...»	73
«Детишек нам иметь побольше надо...» . . .	74
«Душа у нас болит. И тут, с научной мер- кой...»	75
«Я давным-давно усвоил это...»	76

Бессмертье	77
«Спасибо, одиночество, за правду...»	78
«По лугам бродит ветер озерный...»	79
Июльский вечер в окрестностях Темиртау	80
«Иду вечернею дорогой...»	81
«Наш дом, большой, под шифером, с верандой...»	82
Таежный календарь	83
«На смену летнему веселью...»	88
«На дворе и холодно и пусто...»	89
«По галечной отмели плеса...»	90
«Детство умчалось, как вешние воды...»	91
«Мир солнцем наполнен...»	92
«Сибирское лесное лето...»	94
«Лето знойное. Даль бронзовеет...»	95
«Темнеет... По крутому логу...»	96
«Этим летом в Малышевской балке...»	97
Сын	98
«На травах таежных, росистых...»	99
«По тайге шумит листопад...»	100

Павел Николаевич Майский

ВЫСОКИЕ ТУМАНЫ

Стихотворения

Фото на титуле выполнено
лауреатом Второй
международной фотовыставки
1977 года

Ю. Романовым

Рецензент

член Союза писателей СССР

В. А. Костров

Редактор Т. Махалова
Художественный редактор А. Ротовский
Технический редактор Г. Манохина
Корректор В. Лузина

ИБ № 602

Сдано в набор 5.02.82. Подписано к печати 5.04.82. ОП07235. Формат 60×84¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,02. Усл. кр.-отт. 3,22. Уч.-изд. л. 2,57. Тираж 5000. Заказ № 3019. Цена 25 к. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5

12p
~~25~~